

Когда Цзи Вэйцю наконец доел почти все фрукты, слуги подошли и помогли ему занять положенное место. Стол и стул быстро и бесшумно унесли. Цзи Вэйцю вздохнул, переступил с ноги на ногу. Не прошло и минуты, как раздались три удара хлыста. Он вместе со всеми поклонился и выпрямился, лишь когда услышал голос Цзи Су.

Цзи Су в чёрном императорском одеянии с вышитыми драконами восседал на троне. Лицо его было спокойно. То ли из-за расстояния, то ли по какой-то другой причине, Цзи Вэйцю показалось, что брат выглядит ещё более величественным и неприступным, чем обычно.

И неудивительно. Между ними было не меньше восьми метров. Хорошо ещё, что Цзи Вэйцю был молод и зрение у него было хорошее, иначе на таком расстоянии он бы разглядел только человеческий силуэт. А ещё на пару метров дальше — и не отличил бы человека от животного. Если уж ему так, то что говорить о пожилых сановниках.

Внезапно их взгляды встретились. Цзи Вэйцю моргнул, не понимая, в чём дело. Через мгновение он решил задобрить Цзи Су и улыбнулся ему. Но взгляд Цзи Су не отрывался. Цзи Вэйцю посмотрел по сторонам и, увидев, что три старейшины кабинета министров стоят в образцовой позе «не смею поднять глаза на государя», понял, что и ему следует опустить голову.

Среди всех придворных он один стоял, уставившись на Цзи Су, да ещё и улыбался. На кого же ещё Цзи Су было смотреть?

Цинси, держа в руках нефритовую метёлку, произнёс ритуальную фразу, призывающую докладывать о делах. Первым выступил канцлер Гу. Он говорил о засухе на юге и о необходимости принять меры заранее. Цзи Вэйцю слушал его пару минут, а потом его мысли унеслись. Раньше ему просто нравился голос канцлера Гу, а теперь он понял, что он ещё и отлично убаюкивает.

«...в Цзяннани часто идут дожди, канцлер Гу, возможно, вы...»

«...если каждый будет... двор в опасности...»

«...кстати, князь Жуй вернулся из Цзяннани...»

— Князь? Князь?! — Цзи Вэйцю очнулся и услышал, как Цинси зовёт его.

— Младший брат здесь! — отозвался он.

— Князь, — шёпотом подсказал Цинси, указывая на министра кадров, — сановник Чжоу спрашивает вас о засухе в Цзяннани.

Цзи Вэйцю понятия не имел, о чём они говорят, он же не слушал. А Цзи Су перед приёмом ничего ему не сказал.

— Государь, простите, младший брат не знает!

— Князь Жуй, — медленно произнёс Цзи Су, — ты был в Цзяннани. Скажи, есть ли там засуха?

— Не смею скрывать, — ответил Цзи Вэйцю. — Я исполнял императорский указ и не смел медлить. В каждом городе я останавливался на три-четыре дня. Разве за это время можно судить о засухе? К тому же, я молился о благополучии, а для этого выбирал ясные, погожие дни. Так что я действительно не могу сказать, есть ли засуха.

Ишь ты, сами спорят, а его втягивают. Ну и злые же они. Почему не спросить у Астрономического управления? Это же их работа — наблюдать за небесными явлениями и предсказывать погоду.

Три старейшины кабинета министров искоса посмотрели на него. Ответ был хоть и нелепым, но безупречным. Он ловко ушёл от ответа.

В глазах Цзи Су промелькнула тень улыбки.

— Поездка князя Жуя в Цзяннань прошла гладко? — спросил он.

Придворные поняли, что этот вопрос будет отложен. Цзи Вэйцю поспешил выдать заготовленную речь:

— Милостью Государя, поездка младшего брата в Цзяннань прошла более чем гладко. В каждом городе я видел, как народ живёт в мире и достатке, реки чисты, моря спокойны, времена года сменяют друг друга в срок, а солнце и луна сияют ясно...

Тут уже не только три старейшины, но и все придворные посмотрели на него. Посмотрите-ка! Все знали, что во время поездки на князя Жуя нападали, травили, перехватывали на реке. Государь был в ярости, приказал провести расследование. За последний месяц трое высокопоставленных чиновников были осуждены, не говоря уже о прочих. Можно сказать, что половина чиновников Цзяннани лишилась своих постов.

И после этого князь Жуй с невозмутимым видом заявляет, что всё прошло «гладко»?

Цзи Вэйцю знал об этом, но ему было всё равно. Если бы не нужно было менять чиновников, зачем бы Цзи Су вообще отправлял его в Цзяннань? В качестве талисмана? Закончив хвалебную речь, он перешёл к главной цели:

— ...Сыновняя почтительность Государя непременно дарует матушке крепкое здоровье и сто лет счастья!

— Хорошо, — сказал Цзи Су.

Сановникам ничего не оставалось, как присоединиться к восхвалениям. Дальше Цзи Вэйцю снова был не нужен. Они продолжали обсуждать дела. К этому времени он уже окончательно проснулся. Раньше, когда он присутствовал на приёмах, это были в основном церемониальные мероприятия, без важных дел, и всё заканчивалось быстро. Но сегодня всё было иначе.

Сначала вышел цензор из Высшей ревизионной палаты. Он достал два доклада и какое-то письмо, написанное кровью. Он обвинил министра кадров в том, что тот не следит за своей семьёй, и родственники одной из его наложниц, пользуясь его положением, творят беззаконие в родных краях: насилуют, грабят, убили шесть человек и троих оставили калеками.

Министр кадров, конечно, всё отрицал и требовал доказательств. Цензор предъявил кровавое письмо и доказательства взяточничества родственников наложницы. Когда он зачитал несколько страниц, многие были поражены. Затем вышел другой сановник и, тыча пальцем в министра кадров, потребовал сурового наказания. Следом вышел ещё один и сказал, что доказательства не проверены и нельзя верить одной стороне... В общем, они начали спорить.

Цзи Вэйцю моргнул. Он вдруг почувствовал себя бодрым. И не из-за дела министра кадров — он же избил его сына, так что яблоко от яблони недалеко падает. Его взбодрило то, как они спорили, — они поливали друг друга грязью.

Ну и дела! Один говорил: «У тебя тринадцать наложниц, ты имеешь право кого-то осуждать?! Ты можешь поручиться, что все в твоей семье чисты?!» Другой, закатив глаза, отвечал: «У меня тринадцать наложниц, а у тебя что, нет? Ах да, я забыл, ты же предпочитаешь мужчин! Ну да, ну да, тебе-то что, ты можешь говорить что угодно. Слышал, твой сын в тебя пошёл? Что ж, отлично, у тебя сейчас нет наследников, и в будущем не будет!»... И так далее.

Конечно, выражались они весьма изысканно, но суть была именно такой.

Цзи Вэйцю посмотрел на Цзи Су. Он подумал: «Неудивительно, что Цзи Су всегда такой спокойный и выдержанный. Если каждый день слушать такое на приёмах, без хорошей выдержки можно и умереть от злости».

Рядом с Цзи Вэйцю стоял канцлер Гу. Он пододвинулся к нему и тихо спросил:

— Канцлер Гу, так всегда?

— Что вы, Ваше Высочество, — спокойно ответил тот. — Такое и я редко вижу.

— Они говорят правду? — искренне поинтересовался Цзи Вэйцю.

— Конечно, — невозмутимо ответил канцлер Гу. — Разве они осмелились бы говорить бездоказательно?

Цзи Вэйцю ещё немного понаблюдал и вдруг кое-что понял. На первый взгляд казалось, что они в гневе поливают друг друга грязью, но на самом деле это была своего рода дуэль.

Например, когда сановник Чжао говорил: «У тебя тринадцать наложниц, ты можешь поручиться, что все они чисты?», он имел в виду: «У меня есть компромат на твоих наложниц, так что сиди тихо, если не хочешь неприятностей». А сановник Сунь отвечал: «Ты предпочитаешь мужчин, и твой сын тоже. Ты можешь поручиться за себя, а за сына? У меня на тебя компромата больше, чем у тебя на меня». После этого они оба замолчали, и начинали спорить другие.

С этой точки зрения всё становилось очень интересным.

Такие споры были проявлением борьбы придворных фракций. Высшая ревизионная палата была как случайный персонаж в игре: на кого сегодня нападёт, та фракция и становится врагом, а другая — союзником. Министр кадров — фигура важная, он отвечает за аттестацию всех чиновников. И обвинение против него можно было трактовать по-разному. С одной стороны, не следит за семьёй — можно оштрафовать, сделать выговор, и на этом всё. Он сам разберётся со своими наложницами.

С другой стороны... хоть и не казнят, но понизить в должности и начать расследование вполне могут. Поэтому те, у кого с ним были хорошие отношения, его защищали, надеясь, что доказательства окажутся ложными. А те, кто был с ним в ссоре, мечтали, чтобы он поскорее лишился своего поста.

Цзи Вэйцю с любопытством посмотрел на Цзи Су. Спор дошёл до такого накала, а он всё не вмешивался. Чего он ждёт? Ему нравится наблюдать за такими базарными разборками?

Он всегда думал, что Цзи Су предпочитает смотреть на казни на рыночной площади.

— Довольно, — наконец произнёс Цзи Су.

Все тут же замолчали и, поклонившись, сказали:

— Виновны!

Взгляд Цзи Су остановился на министре кадров.

— У тебя есть что сказать?

Министр кадров пал ниц, и по его лицу снова потекли слёзы.

— Старый слуга недоглядел, и в моём доме произошли такие ужасные вещи! Мне стыдно предстать перед Государем! Прошу, накажите меня!

— Лю Вэй, ты и впрямь проявил неосмотрительность, — кивнул Цзи Су.

— Я не оправдал доверия Государя! Не оправдал! — рыдал министр.

Цзи Вэйцю, спрятав руки в рукава, подумал: «Скажи что-нибудь другое, что толку повторять „не оправдал доверия“? Нужно самому предложить наказание, чтобы смягчить приговор». Но тут же поправил себя: нет, он может так делать, потому что он брат Цзи Су. А если Лю Вэй скажет: «Мне стыдно занимать высокий пост, прошу об отставке», а Цзи Су ответит: «Хорошо, уходи», что тогда?

Неужели он и вправду откажется от такого выгодного поста?

Пожалуй, лучше промолчать и посмотреть, какое решение примет Цзи Су. Заодно можно будет понять, насколько он важен для императора.

И действительно, Цзи Су сказал:

— Лишить жалования на три года, отправить домой для размышлений.

— Слушаюсь! Благодарю Государя за великую милость!

«Цыц», — подумал Цзи Вэйцю, — «надо у них поучиться, у этих старых лис. Какие же они хитрые».

Внезапно он услышал:

— Князь Жуй.

— Младший брат здесь, — Цзи Вэйцю вышел вперёд и поклонился, гадая, что ещё стряслось.

— Князь Жуй, — сказал Цзи Су, — за заслуги в поездке на юг, за добродетель и доброе имя, с сегодняшнего дня вводится в состав кабинета министров для участия в обсуждении государственных дел.

Что?! Он что-то не расслышал?!

Цзи Вэйцю в полном недоумении поднял голову и посмотрел на Цзи Су.

— ...?

Что такое? Он — в кабинет министров?

— В... кабинет?

Он?! Достоин?! Это то, что он подумал?! А?!

Цзи Су, как всегда, был спокоен и невозмутим, словно сказал что-то совершенно обыденное.

— Князь, — шёпотом подсказал Цинси, — благодарите Государя.

В зале воцарилась тишина, слышно было, как пролетит муха. Все придворные смотрели на одетого в пурпур молодого князя. И никто не возразил.

Цзи Вэйцю обернулся и увидел, что все стоят, опустив головы. В его голове роились вопросы.

Эй, вы почему молчите?!

Вы что, не возражаете?!

А?

<http://bllate.org/book/16115/1588166>